

Какая может быть база у волшебников-изгнанников, кто в силу малых талантов или происхождения, оказался на самом дне? Ответ на этот вопрос очевиден, каждый человек рано или поздно начинает искать утешение на дне бутылки. В данном случае, войдя через изошренную трещинами дверь, я оказался в подобии трактира, что называется, для своих. Окна заколочены, они почти не пропускали свет, но в помещении всё равно было светло благодаря многочисленным дырам в стене. Именно через них просачивались лучики солнца, озаряя грязные лица отребья, позорящих более чистоплотных собратьев.

Я большую часть своей жизни предпочитал думать об магах исключительно уничижительно. Чародеи – эгоистичные, виртуозно извращённые, вечно думающие об эфемерных понятиях собственных чувств. Пожив в их шкуре, я осмыслил, что так проще живётся, куда проще, чем кажется. Эгоистичные, лживые отродья, думающие только о себе, достойны часа всеобщего презрения. Но презрение, ничто иное, как эмоция, что не причиняет вреда. Её размен на все блага общества, уподобился самой выгодной торговой сделке.

Не часто можно встретить чародеев, кто не умеет торговаться, проживая жизнь в грязи.

— Добрый день, — оборачивая слова в вежливые тона, медленно осмотрел сидящих за столами зевак. Я стал их главным источником любопытства. По их поверхностным мыслям любой человек мог понять, что они видят во мне глупого ягненка, забредшего в логово к голодному медведю.

— Смотрите, кто к нам пожаловал, — недалеко гоготнул высокий и хорошо сложенный волшебник, попивающий непонятную жидкость из деревянной кружки. — Это как надо было заблудиться, ущипни меня Мерлин, чтобы попасть к нам. Ну, говори, кем будешь, кто послал?

— Что вы прицепились к нему? — хмыкнул мужчина за стойкой, через которую он подавал алкоголь. — Эй, ты, подойди. Уверен, если ты заплатишь за вход, никто тебя не тронет.

— Я бы рад подойти. Так время не ждёт, — я вежливо отклонил предложение сесть и расплатиться «за вход». По мыслям человека, считающего себя барменом, было понятно, что он излишне сует свой нос не в свои дела. Посчитал, по глупому разумению, будто меня исключили из Хогвартса, и я ищу куда податься, вот и заплёл в это место. Легкая жертва. — Ваш знакомый, именуемый Оскаром, сильно задолжал мне. За что? За скверные услуги путеводителя по дрянным местам. Вы, как его друзья, можете оплатить его долг, отдав все ваши волшебные палочки. Магические, которые не из глупых баллад про колдунов и ведьм, коими зарабатывают на жизнь трубадуры.

Секунда тишины переросла в тридцатисекундное соревнование по громкости и продолжительности смеха. Бармен за стойкой смеялся так, что его глаза увлажнились. Другие посетители умудрились подавиться пивом, ещё кто-то разлил напиток на соседа через рот. В общем, отребье магического сообщества веселилось, будто к ним снизошёл Бог Смеха и Жизнерадостного Комфорта, вероятно, непосредственно сын Богини Плодородия – которую всю любят и почитают.

— Ха-ха-ха, о-о, Мерлин! Я последний раз, ха-ха, так смеялся над... Ха-ха, даже вспомнить не могу, — ударив по столу, высказался ещё один посетитель. — Что ещё соизволишь? Может, кроме палочек, Василиска попросишь, а? И наследие Слизерина! Ха-ха, ой, ну и порадовал.

Одна претензия запустила цепную реакцию. Мне потребовалось расслаблено всё выслушать. Минута где-то ушла, если не больше. Лучше дать людям выговориться, чтобы не перебивали.

— Вижу, — выслушав все издевки, я прикрыл дверь и встал поближе к стенке, чтобы охватить каждого взглядом. — Вы brave волшебники. Вероятно, считаете меня слабым, той формой собеседника, кто не представляет для вас ощутимой опасности, реальной угрозы. Так считать можно, более того, положено. Но переиначивая слова, я спрошу: мните ли вы себя сильными?

— Мы?! — не слабо удивился вопросу пожилой мужик с сальными белыми волосами и морщинистым лицом, его голос отдавал барабанным, будто при открытии рта кто-то бил палочками по гортани. — Да по сравнению с щенками мы древнегреческие Церберы!

— Понятно, — я скрепил пальцы рук, постукивая большими пальцами. — Щенок никогда не договорится с Цербером?

— Послушай, подобра-поздорову, не говори лишнего. Заплати за беспокойство и проваливай. Ничего мы за Оскара делать не будем, тем более отдавать палочки. Иди в больницу Святого Мунго, если считаешь иначе, — порекомендовал маг с видом всезнающего мудреца. По пустой кружке оно было видно. Образцовый мудрец.

— Извольте, — улыбаясь, покачал головой. — Я не говорю лишнего, лишь позволил вам спокойно расплатиться с долгами вашего друга. Когда стало понятно, что это невозможно, по тем или иным причинам, тогда я решил вам помочь. Всем и каждому, выкопать для себя могилу. Объяви вы себя слабыми, но жадными, а меня сильным, но настырным, — о чем речь, мирно бы разошлись, оставшись каждый при своём. Увы, но есть немало важное понятие: сила, по своему обыкновению, не способна самоутвердиться за счёт слабого. Забирая что-то у слабого, будучи сильным, мы проявляем высшую степень невежества в погоне за самоутверждением. Излишне глупое занятие, как по мне. А раз вы сильные, то всё в порядке.

Собеседники напряглись и достали свои палочки, когда я провёл рукой возле лица, освещая комнату до слезоточивости в глазах. И уже были готовы атаковать в момент моей демонстрации магической ауры, надёжно скрываемой по привычке. Ведь на меня в одно время охотился весь Континент. Негоже было аурой разбрасываться, да и перед не кем.

Одним ловким движением и мощным заклинанием, именуемым телекинезом, я успел перехватить палочки моих собеседников. Они не успели пропитать их силой, потому действие не заняло у меня ни концентрации, ни энергии. Просто, как отобрать меч у напившегося до чертиков рыцаря Туссента.

Палочки пролетели по комнате, оказавшись в воздухе возле меня.

Рук недостаточно для охвата двенадцати палочек, а двумя держать, увы, не по этикету.

Волшебники всполошились: кто был пьян – быстро отрезвел, кто не успел напиться – начал спотыкаться. Все испугались демонстрации массовой магии, – по их разумению. На деле, магии – заранее затравленной на определённые действия. Заклинание было одно, просто комплексное, последовательное и эффективное. Следующий их страх, судя по мыслям, обычная демонстрация беспалочковой и безмолвной магии.

— Что ты такое?! — самый молодой в баре задал нелогичный вопрос мне.

Чтобы понять его, потребовалось ползти в бурлящем супе из мыслительного болота. Сложно, но он перепутал меня с магическим существом, формой жизни, кто не волшебник, скорее, пользователь магии. По аналогии, он пришёл к неким вейлам, кто владеет природной магией очарования. Они, вейлы, используют её без палочки. Вот волшебник и посчитал меня кем-то вроде вампира.

— Чародей, — после секунды задумчивости ответил на вопрос я. — Но моя личность не важна. Я взял плату «малой силой», хотя вы могли отдать её добровольно. И вы дали шанс мне уйти, пройдя испытание кошельком. Поэтому будет правильно, если подобный шанс представится вам. Но поскольку ставить деньги принято в иных местах, обычно в игорных, в качестве ставки будут ваши жизни.

Используя сильные чары записывания пространства, превращения его в карманное измерение, я позаботился о всех путях к отступлению. Чары сильны, выматывают не хуже полуденной работы на плантации по выращиванию хозяйственных монокультур. Утомительная и выматывающая работа. Такая же, как процесс записывания пространства. Заколоченные окна исчезли, покрылись непробиваемым туманом, щели и мелкие дыры испарились.

Посчитав, что всё слишком хорошо, я ослабил концентрацию магии возле двери, позволяя оттуда единоразово выскочить одному человеку.

— Вы видите, что вас окружает. По той причине, что я милостиво вам позволил, — напомнил о том, что ранее я проводил рукой и повышал освещение в комнате. — Просто так нельзя выбраться на волю. Однако у вас будет шанс это сделать, как у меня был шанс с вами попрощаться без медяка в кармане.

Взяв волшебную палочку в руки, я спокойно бросил её перед ногами. Уронил средство спасения, как богач, бросивший маленький кусок хлеба нищему – умирающему от голода. Жест злой воли, направленный не на спасение, а на отягощение жизненного пути бедняка, путём его расширения.

Никто не спешил кидаться на колени возле моих сапог, а зря. Следом же пошло новое заклинание, формирующее и раздраконивающее белое пламя на потолке. Оно стремительно начнёт пожирать любые следы чар, моего прибывания, местных свидетелей моих деяний.

— Кто окунется в пламя, умрёт и исчезнет навсегда. Представьте это как отношения жертвы и убийцы. Ваша жертвенная плоть преграждает путь всепоглощающему огню – убийце, забирая у него пространство для маневра, заставляя его атаковать преграду, то есть вас. Впиваться в вашу плоть, в вас самих. И прожаривая её, уменьшать занимаемое вами пространство. Так, будто вы пытаетесь достигнуть единения. Общности, слияния в единое целое. Взаимопроникновение. Процесс не зависит от продолжительности, только от окончания, когда всё сущее перестаёт что-либо значить.

Пламя уже покрыло потолок и перекинулось на стены. Посетители перестали контролировать эмоции, как и свою гордыню, и приступили к мольбам о прощении и милости. Я же был милостив, когда дал им свет, когда оставил одну палочку. Даже, чтобы не мешать им присутствием незнакомца – себя же, я забрал оставшиеся палочки и прошёл через туманную дверь. Теперь, когда небольшое пространство за моей спиной не портила магия, малейшая брешь в идеально запертой комнате исчезла. Им, то есть всем посетителям бара, придётся одной палочкой проделывать новую брешь. Однако работа эта не из простых, она особенная.

Волшебникам придётся научиться размножать палочки как сорняки, всего из одной. Либо, как вариант, один из магов должен дойти до уровня магистра с одной палочкой в руке. В таких, и только таких сценариях, запертые жертвы смогут потушить дьявольское пламя и выбраться из ловушки.

— Эм, что, что... произошло? — спросил меня нервный Оскар, оставленный стоять на страже.

— Ты озяб и утомлён ожиданием? — не отвечая на вопрос, выдвинул я свой.

— Н-нет, — помахал он головой.

— Прежде, чем барьер ослабнет, нам нужно покинуть это место. Тебе потребуются силы: физические, позволяющие перебирать ногами, и эмоциональные, чтобы не поскользнуться, — ласково намекнул я. — Если ты их уже имеешь, тогда всё прекрасно. Веди меня к месту проведения торгов.

— Но, а кто внутри, с ними всё в порядке? Я не хотел бы, чтобы с ними что-то... Мы никого не, и... ну, умереть они бы не хотели, — мой проводник находился на грани истерики. Я излишне переоценил его стойкость, посчитав, что крутящиеся в преступных кругах чародеи привыкли ко всем видам зверств и пороков.

— Для начала успокойся, — предложил я, отходя от него на шаг. — Непокойные люди часто доводят себя до могилы. Мы же не хотим, чтобы ты довёл себя до могилы из-за нервного спазма в голове? Позволь мне быть добрым мэтрот и оставить тебя от бремени хождения за мной. Просто укажи мне путь, и мы расстанемся здесь, в этом самом месте. И я убедительно тебя заверяю: наши пути более не пересекутся. Во всяком случае, в глаза я тебе больше смотреть не буду, как и отдавать тяжёлые приказы, заставляя тем самым смотреть на «жизнь».

— На той улице, что мы проходили возле того самого, есть красная стена с символом черной

змеи... Она ведёт к черному, это, темному рынку. Туда опасно ходить и, говорят, это место посещает «Он», — Оскар с опаской выдал всё, что знал, и я был склонен ему верить.

Взяв палочку, парящую в воздухе, я попытался вспомнить движения кисти Волан-де-Морта и наименование определённого заклинания. Интересного заклинания, опасного и, определено, убившего хранителя моего тела. Кажется, луч зелёного цвета, который выталкивает душу из тела. Авада Кедавра.

На Boosty вышел эпилог — <https://boosty.to/lasombra>

+10 глав по Марвел 11: Доктор Дум

<http://tl.rulate.ru/book/104224/3758397>